

ВАЛЕРИЯ ГОРБАЧЕВА

Ведьмин глаз

Валерия Горбачева

Ведьмин глаз

«Издательские решения»

Горбачева В.

Ведьмин глаз / В. Горбачева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748483-5

И какая разница, сколько тебе лет? Это совершенно не имеет значения. И в двадцать пять, и в пятьдесят хочется эмоций, тайн, догадок и даже ошибок, придающих твоей жизни остроту и осмысленность. Будет ли это любовь или, может, разгадка исторической тайны? Неважно. Неопределенность, непроторенная дорожка, движение наощупь, наудачу и — как награда — озарение... И ты не станешь плакать. Ты, засыпая, улыбнешься.

ISBN 978-5-44-748483-5

© Горбачева В.
© Издательские решения

Ведьмин глаз

Валерия Горбачева

Все люди разные.

И судьбы людские все разные.

Почему же тогда мы все так похожи?

© Валерия Горбачева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Поздравляю, мама, у Вас девочка! – врач поднимает голову и заглядывает в изможденное лицо молодой женщины. Она слабо улыбается в ответ. У нее нет сил говорить. И она почти ничего не видит – серая пелена застилает глаза, и сквозь нее пробиваются лишь слабые нечеткие пятна света. Но врачу достаточно и этой улыбки: он очень молод и очень горд собой. Роды были тяжелыми, и в какой-то момент он даже испугался, что ему придется делать выбор между жизнью матери и жизнью младенца. Он помнил, что в критических случаях спасать нужно мать, но как не хотелось ему делать этот выбор! И вот теперь все позади. Он справился, и молодая мама улыбается ему самой прекрасной улыбкой на свете, и крохотная девочка, прокричав положенное, спокойно лежит на столике под яркой лампой. Он справился.

– Девочка... дочка..., – молодая мама произносит эти слова задумчиво, чуточку удивленно и как будто осторожно. Ее голос совсем тихий, слабый, он почти не слышен, но врач откликается сразу:

– Да, хорошая девочка, ладненькая, хоть и малышка.

– А почему она молчит? – чуточку встревожено поглядывая в сторону ребенка, спрашивает мать. Она не видит дочку, сквозь серую пелену пробивается лишь пятно лампы, но знает где она, чувствует ее.

– Так она же тоже устала, – ласково отвечает врач.

– Устала, – машинально повторяет женщина.

– Не волнуйтесь, уже все нормально.

– Да-да, нормально. – Молодая мама еще не слишком пришла в себя, и слова доктора ей сейчас очень нужны: они успокаивают, снимают напряжение. Ей приятно слушать его уверенный голос и постепенно осознавать, что все самое страшное действительно уже позади. Неожиданно пелена, застилавшая ей глаза, рассеивается, и предметы приобретают привычные очертания. Она видит доктора, улыбающегося ей усталой довольной улыбкой, строгую медсестру, что-то записывающую в тетрадь, пожилую нянечку, ободряюще кивающую ей и... дочь. Маленькая девочка лежит на столе, повернув головку в сторону мамы, и смотрит на нее широко раскрытыми черными глазами. Этот взгляд приводит женщину в замешательство и восторг одновременно. Где-то она читала или слышала, что новорожденные не видят, но дочка явно смотрит ей прямо в глаза, и мама улыбается ей в ответ:

– Привет, малышка, – тихо шепчет она дочери и, не отводя от нее взгляда, чуть громче произносит, – Доктор, у моей девочки... черные глаза?

– Необязательно, – почему-то несколько неуверенно говорит молодой врач, внимательно и как-то недоуменно глядя на новорожденную, – просто сейчас у нее расширены зрачки и поэтому глаза кажутся черными. – Он еще некоторое время молчит, не отводя взгляда от ребенка, и добавляет смущенно, – красивые глаза и взгляд... удивительный.

Пожилая нянечка подходит ближе и, взглянув на девочку, почему-то качает головой.

– Что-то не так? – мама встревожилась и от этого даже чуть приподнимается на локтях. Она теперь видит все очень отчетливо, и даже как-то обостренно и поэтому от нее не укрылось это непонятно недовольное или осуждающее движение.

– Лежи, лежи, – женщина, повернувшись к ней, с силой надавливает на плечи, укладывая молодую маму на подушки, – все нормально, не волнуйся. Это пусть мужчины волнуются. Для них этот взгляд опасен.

– Хотите сказать, что красавица вырастет? – с едва заметной гордостью, прикрытой смущенной улыбкой, спрашивает мама.

– Не знаю насчет красавицы, – усмехнувшись, качает головой нянечка, – но взгляд-то ведьмин.

– Ведьмин? – теряется мама, – это... как?

– Да никак, – отмахивается вдруг женщина, – пошутила я. Необычно это, что новорожденная с такими вот распахнутыми глазами, как будто и вправду – смотрит.

– Перестаньте, тетя Клава, – строгая медсестра вступает в разговор, – роды тяжелые были, Вы же видели, у ребенка тоже небольшой шок. Лучше идите молодого папашу успокойте, он там, в коридоре, скоро стены разнесет.

– Иду, иду, – заторопилась нянечка, – не бери в голову, дочуш, – уже в дверях обращается она к молодой маме, – я, правда, пошутила.

– Как дочку назовете, решили? – молодой врач решает сменить тему, кажущуюся ему опасной, потому что он ничего не может здесь сказать или объяснить. – Выбрали имя?

– Да. Лидия.

«Сохранить изменения в документе?» – компьютерный котенок мурлыкнул, напоминая о необходимости нажать нужные кнопки. Лидия Владимировна улыбнулась: она специально никогда не сохраняла последние правки, чтобы потом поговорить с рыжим котиком на экране.

– Да, сохранить, – произнесла она вслух, нажимая нужную клавишу, – отдыхай, уже обед, даже поспать можешь, а я пока в Интернет выйду.

Лидия Владимировна спокойно разговаривала с компьютером, не заботясь, что кто-то сочтет ее сумасшедшей – в кабинете уже никого не было. Обеденное время, погода хорошая, все убежали. А ей идти никуда не хотелось. Устала она что-то за последнее время, да и самочувствие не очень. А до отпуска еще целый месяц. Вспомнив об этом, Лидия Владимировна вздохнула, и настроение у нее снова упало. Впрочем, оно и не было сильно хорошим. А с чего бы ему быть хорошим? Задумчиво глядя в монитор, Лидия Владимировна честно призналась себе, что сама во всем виновата. Пора признать, наконец, что она уже совсем немолода. Сорок пять, это, конечно же, не шестьдесят, но, как поется в песне «Увы, не двадцать шесть». А когда тебе уже за сорок, пора привыкнуть и к болям в спине, и к перепадам давления, и к головной боли, и к тому, что не смотрят на тебя уже молодые мужчины. Лидия Владимировна привычным щелчком мыши вызвала на экран «аську». Может быть, удастся поговорить с сыном? Он тоже иногда выходит в Интернет в обеденное время. Взрослый, умный и красивый сын живет в столице. Хороший мальчик, заканчивает институт, работает, и звонит матери если не каждый день, то через день точно. Как будто в ответ на эти мысли раздался звонок мобильного. Лидия Владимировна схватила трубку:

– Сынок, привет!

– Привет, мам! Как дела? – ласковый басок прорвал какую-то пленку, и у Лидии Владимировна моментально наворачиваются на глаза слезы.

– Нормально, малыш, все нормально. Как ты? – она старалась говорить спокойно и даже весело, чтобы сын не догадался о текущих из глаз соленых каплях – она плачет просто оттого, что слышит его голос, оттого, что сучает по нему, оттого, что благодарна ему, что он звонит.

– У меня все нормально тоже, – спокойно сказал сын. – Папа звонил? Как у него там дела?

– Да, звонил с утра. – Лидия Владимировна уже справилась со слезами и теперь деловито и почти спокойно начала объяснять, – бабушке еще плохо, предлагают ей больницу, операцию, но она не соглашается. Папа сказал, что пробудет там еще недели две как минимум.

– Поня-ятно, – протянул сын, – ну и отпуск нынче у папы...

– А что делать? – вздохнула Лидия Владимировна, – родители – это святое. Правда, сынок?

– Это точно, – согласился он, – сама ты как себя чувствуешь?

– Согласно паспортным данным, – пошутила Лидия Владимировна, – в пределах нормы. А ты чего не в аське?

– Да у нас инет заглохил.

Лидия Владимировна улыбнулась. Она уже привыкла ко всем этим словечкам, а ведь было время когда она совершенно не понимала, о чем речь: все эти «аськи, девайсы, ники...» – приводили ее в ужас. А теперь вот привыкла.

– Мам, я завтра с Олей к ним на дачу еду, а там сети нет, так что ты не беспокойся, что звонить не буду. – Сын говорил ласково и довольно – рад, что едет в гости, – а как вернусь, так тебе позвоню. Это уже в воскресенье только. Лады?

– Хорошо, – машинально согласилась Лидия Владимировна, но тут же спохватилась, – постой, как завтра? Завтра же пятница, а работа? Ты же работаешь!

– Пропущу один день, – несколько рассеянно произнес сын.

– Как пропустишь? – забеспокоилась мать, – Сынок, так нельзя, работа – это..., – договорить она не успевает.

– Мам, перестань, я все понимаю. С начальником я уже договорился, наоборот, он даже рад, потому что ему нужно, чтобы я поработал в следующие выходные. Я поэтому и беру эту пятницу..., – в голосе сына чувствовалось легкое раздражение.

«Конечно, он уже совсем взрослый, а я все учу его каким-то прописным истинам», – подумала Лидия Владимировна, и вслух торопливо произнесла:

– Ладно, ладно, я поняла. Извини, я же не знала, что ты договорился...

– А ты думала, что я просто прогуливаю? Как школьник? – теперь в голосе сына ей послышалась легкая покровительственная насмешка. Да что ж это такое? Неужели она совсем уже никуда не годится? Лидии Владимировне стало обидно и, боясь, что сейчас расплачется, она постаралась закончить разговор:

– Нет, конечно, я так просто. Ладно, малыш, пока. Привет Ольге и ее родителям. Звони потом. Целую.

– И я тебя целую. Пока, мам. Я позвоню.

Закрыв крышку мобильного, Лидия Владимировна обнаружила, что все-таки плачет. Хорошо, что никого нет в кабинете. Потому что объяснить сейчас свои слезы невозможно. Ну, вырос сын, встал взрослым, не нужны ему замечания твои и контроль твой не нужен. Так это же нормально. Более того, это правильно. Лидия Владимировна осторожно вытерла влагу со своей щеки. Обидно только, что это происходит именно тогда, когда женщина стареет и становится, в общем-то, уже никому не нужна. Ну вот, опять за старое. Что ж такое-то?! Слезливость эта – тоже признак старости? Лидия Владимировна решительно взяла трубку мобильного телефона и набрала номер своей матери.

– Мамуль, привет! Ну, как тебе там отдыхается?

– Лидочка! – обрадовалась мама, – у меня все хорошо. Кормят вкусно, процедуры все переношу хорошо. Вчера с Людмилой на танцы ходили.

Лидия засмеялась. Людмила – это мамина подруга. Как долго Лидия уговаривала их поехать вместе отдохнуть в хороший санаторий неподалеку. Несколько лет. И вот, наконец, уговорила. Теперь они довольны. На танцы ходят. Настроение у Лидии Владимировны поднялось.

– Ну и как там, на танцах? Кавалеров много?

– Конечно, – шутливо сказала мама, – даже молодые есть. За мной тут совсем мальчик ухаживает – только-только шестьдесят стукнуло.

Лидия снова рассмеялась.

– А у вас как дела? – бодро и заинтересованно спросила мама.

– Нормально все. Илья звонил, там все без изменений. Марья Сергеевна на больницу не соглашается. И Антошка звонил. Они с Олей на дачу на выходные едут.

– Это хорошо. Пока погода стоит хорошая, надо на природу, – согласилась мама, – а Марье Сергеевне привет от меня передавайте. Пусть держится.

Поговорив с матерью, Лидия Владимировна перевела взгляд на монитор. На нем мигало новое сообщение в аське. Всего одно слово «Привет!» от нового незнакомого пользователя со странным ником «Стасик». «Ник – это компьютерное имя, кличка, псевдоним, – помнится, терпеливо объяснял ей по первости сын, – вовсе не обязательно оно должно совпадать с реальным именем. Хотя чаще всего люди не придумывают ничего, пишут свое имя – так проще». Когда Лидия Владимировна создавала свой номер в аське, она не захотела как проще. А придумала себе ник – сапфир. По цвету своих глаз. Ей показалось это красивым и романтичным. Хотя кому эта романтичность сорокалетней тетки нужна, если разобраться-то? Да и глаза уже не те, что раньше. Вернее, цвет глаз остался прежним – глубокий синий, с искорками, а вот взгляд не тот. Не тот. Не действует уже на мужчин так, как раньше. Никак не действует. А ник красивый. Не то, что дурацкий «Стасик». Лидия Владимировна вздохнула. «Стасиками» у них в общежитии называли тараканов. Она хотела написать об этом незнакомому собеседнику, но передумала. Зачем обижать человека, ничего не сделавшего плохого, а просто поздоровавшегося? Может, он просто ошибся номером.

«Привет! А ты кто?» – написала она банальщину.

«У тебя красивый ник. И для девушки – необычный»

«Для девушки...» – Лидия Владимировна вздохнула. В своей компьютерной анкете она отметила, что пол «женский», а вот возраст не указала. И конечно незнакомый «искатель знакомств» попался. Может, поиграть с ним? Изобразить юную ветреную девушку или молодую умную женщину... Вообще-то «не к лицу и не по летам», как писал классик. Эх, скинуть бы лет двадцать! Лидия внимательно посмотрела на экран, как будто он мог что-то посоветовать. Нет, не наигралась она, конечно, в молодости. Не знала она в молодости как может действовать ее взгляд на мужчин, потому что закрыты глаза были очками с ужасно толстыми стеклами. В первом классе она стала щуриться, и ее отвели к врачу. Не мудрствуя лукаво, врач прописала очки сразу на минус пять. К восьмому классу они выросли до минус девяти, надежно спрятав синие глаза с искорками от потенциальных ухажеров. Маленький рост, очки, серьезность – мальчишкам она не нравилась. И в институте все танцевальные вечера она простояла у стенки. Друзья были, а кавалеров не было. Первый и единственный раз, когда на нее обратили внимание – это на пятом курсе, на катке. Илья – высокий, красивый, спортивный, – налетел на нее с разбегу: он ее попросту не заметил, играя с группой девушек в пятнашки. И буквально сшиб с ног. Шапка отлетела в одну сторону, очки – в другую, а сама Лидия оказалась в сугробе. Илья подкатил к ней и небрежно, с легкой досадой протянул ей руку:

– Извини, давай помогу. – Он нетерпеливо оглянулся на своих подружек, но, тем не менее, вежливо заглянул ей в лицо, – не ушиблась?

В этот момент, глядя в глаза красивого парня, Лидия вдруг почувствовала, как в груди разливается приятный, чуть пощипывающий холодок. Он быстро заполнял грудную клетку и поднимался к шее, вытягивая ее и приподнимая голову. Скользнув по щекам, холодок на мгновение застыл в затылке и вдруг рванулся наружу, выплескиваясь из синих с искорками глаз. Лидия почти физически ощутила этот всплеск. Илья остолбенел. Через три месяца они поженились. И живут счастливо до сих пор. Только вот приключений Лидии явно не хватило. Но не начинать же теперь?

«Спасибо за комплимент, – написала она „Стасику“ – но с девушкой вы как-то не совсем в точку...»

«Почему?»

Нет, решила Лидия Владимировна, не буду я ничего начинать. Ни к чему это. Она открыла данные «Стасика»: незнакомцу было всего двадцать девять лет – не намного старше ее сына. Смешно.

«Потому что мне, сынок, уже много лет, и „девушка“ в моем возрасте – это скорее оскорбление»

Лидия написала эту чушь с оттенком некоторой фривольности и усмехнулась. Получи, молокосос.

«А сколько тебе лет?»

Ах ты, негодник. Лидия покачала головой:

«Кто тебя воспитывал? Разве женщинам задают такие вопросы?»

«Ты первая начала о возрасте говорить. Я думал, ты хочешь похвастаться».

Лидия рассмеялась и отправила ему соответствующий смайлик – картинку, изображающую смех. Получив в ответ радостную улыбку, вздохнула. Приятный, наверное, молодой человек.

«А почему ты – сапфир?»

«А почему ты – Стасик?»

«А у меня усы, как у таракана»

Довольно неожиданно, подумала Лидия. Неужели этот парнишка и вправду такой, каким вдруг представился в ее воображении – остроумный, не закомплексованный, веселый. . . . Ох, ну где же мои двадцать пять? Или хотя бы тридцать? Чтобы спокойно можно было пококетничать с незнакомцем, не думая о том, как сразу потеряет он интерес, если только написать, сколько ей на самом деле лет.

«Тараканьи усы – это некрасиво» – написала Лидия Владимировна.

«Я знаю».

Лидия пожала плечами:

«Так сбрей их».

«Давно уже. Почти сразу».

«Тогда почему ты – Стасик?»

«Так у меня усы, как у таракана»

«У тебя же нет усов»

«Нет, но если бы были, то были бы как у таракана».

На это Лидия отвечать уже не стала, слишком все было глупо, хоть и смешно. Она взглянула на часы – половина второго, еще полчаса до конца обеда. Может, хоть чайку попить, кажется, у них еще оставалось печенье. А можно и не пить сейчас. Скоро все придут с обеда, и чай будут пить все равно. Это такой ритуал у них: утром все пьют чай, после обеда пьют, и еще за час до конца рабочего дня. Коллектив у них хороший, дружный, отличный, можно сказать, коллектив, такой еще поискать. А вот работа Лидии Владимировне не нравилась. Скучно ей бумаги перебирать, бумаги в папки подшивать, папки в коробки складывать, коробки нумеровать. Все для того, чтобы в любой момент любую бумагу можно было легко найти. Полезная работа. Скучная только. И даже в компьютер заносить все эти папки, коробки и номера только первое время было интересно. Нет, бывают, конечно, и просветы – это когда организуется выезд на какой-нибудь объект. Соседи – центр по охране памятников – довольно часто просят съездить в какой-нибудь район в составе какой-нибудь комиссии. Раньше архив, в котором работает Лидия, входил в состав этого самого центра по охране памятников, потом пошли всякие реорганизации, передвижки, и в результате образовались три самостоятельные организации: собственно центр по охране памятников, отдел при комитете по культуре, и архив, с которым долго мучились, но потом все-таки выдели в самостоятельную организацию. Три отдельные организации, но работать они продолжают все вместе. Потому что новых сотрудни-

ков не прибавилось, вот и подменяют друг друга по мере возможности и необходимости. Лидия любит, когда ее просят выехать на объект. Там – новые люди, движение, осмотр старого здания или церкви. Обычно кто-то что-то расскажет, покажет что-то необычное, особенное, только для этого здания характерное. Это интересно. Потом, правда, опять бумаги, папки, коробки... Она хотела сменить работу, но оказалось, что после сорока даже это практически невозможно. Женщина после сорока не нужна никому. Лидия Владимировна вздохнула и сердито посмотрела на монитор: там «Стасик» уже три раза спросил «А почему ты – сапфир?» и два раза прокричал «ау-у-у-у! Ты где пропала?».

«Я не пропала, я разговаривала по телефону» – соврала она.

«А-а-а-а, ладно. Так почему ты – сапфир?»

Вот неугомонный, усмехнулась Лидия Владимировна:

«У меня глаза синие»

«Да ладно...» – явно не поверил Стасик.

«А что такого?»

«Редкий цвет»

Неожиданно Лидия Владимировна снова разозлилась.

«Не западай, малыш, мне уже давно за сорок»

«И что, мне теперь на Вы к тебе обращаться?»

Неожиданный вопрос сбил Лидию с толку. Она ожидала чего угодно – вежливого «правда?», молодежного «да ладно!», просто молчания..., но в любом случае она ждала, что он не поверит. Похоже, он поверил. Причем сразу. Почему?

«Не надо на Вы, это... напрягает» – она ответила ему так, потому что не смогла написать, что не надо обращаться вообще.

«Я никогда не видел настоящих синих глаз. Это, наверное, красиво»

«Да, сынок, красиво. Они синие-синие, как васильки, с золотыми искорками, длинными черными ресницами и тонкими соболиными бровями. Только ты губу не раскатывай. Я не богатая вдова, не популярная певица и не дочка маршала. Я нищая бюджетная крыса преклонного возраста, маленького роста и среднего телосложения». Лидия Владимировна перечитала написанное, немного подумала и решительно нажала кнопку «отправить». Не дожидаясь ответа, закрыла окно «аськи» и отключила Интернет. Она не станет дожидаться вежливых дешевых слов, что все это неважно, не станет дожидаться возможной грубости, типа: прощай, старушка, ... не станет. Хватит уже. И так последнее время ей постоянно напоминают, что старость не за горами. И сотрудники бюро по трудоустройству, сочувственно поглядывая на анкетные данные, и взрослый сын, живущий самостоятельной жизнью, и подруга, легкомысленно бросившая фразу «после сорока уже женщине и не надо ничего». Лидия почувствовала, как загорелись щеки. Оксанка моложе ее на двенадцать лет. Они подружились быстро и как-то незаметно – работали вместе. Оксана пришла к ним в отдел восемь лет назад. Веселая, легкомысленная, симпатичная, свободная, современная. Она хорошо рисовала, пела и ходила в танцевальную школу. Она меняла мужчин с легкостью, граничащей с распутством. Но, всегда искренне влюбляясь в очередного знакомого, отдаваясь чувству полностью, без оглядки, она так же искренне страдала, если бросали ее или искренне возмущалась, если разочаровывалась сама. Она вообще была непосредственной и живой, рассказывала о своих мужчинах почти каждому, поэтому все ее романы бурно обсуждались всем коллективом. Ее не осуждали – молодая еще, изредка завидовали – лихая девка, иногда жалели – семью пора создавать, а она порхаёт. Оксана дружила почти со всеми, но к Лидии питала особую привязанность. Почему-то только ей она рассказывала все подробности своих переживаний, плакала иногда и спрашивала совета. Лидии тоже было приятно с ней общаться. В Оксане было то, что не хватало самой Лидии в молодости – романов, страстей, ревности, приключений. Лидия жила правильной семейной жизнью. Силу своего взгляда она долго не знала. Считала, что с Ильей ей просто

повезло. Когда Лидия наконец-то сняла очки, ей было уже тридцать восемь лет. Она пришла к врачу, чтобы выписать рецепт на очки, потому что старые сломались. Врач, молодая уверенная женщина, сказала ей удивленно: «Давайте-ка, снимайте уже эти костыли, Лидия Владимировна. Вам вполне можно еще поносить линзы. И удобнее и красивее». И она купила линзы. Что-то изменилось тогда в ней самой. Она буквально летала от счастья. Очки ей больше не мешали, они не запотевали в автобусе и в магазине, они не покрывались пылью и не заливались дождем. Ей стали доступны тени, тушь, карандаш. Она нравилась сама себе. Первым попал под удар ее взгляда бывший однокурсник. Он встретился на улице, случайно. Увидев Лидию, обрадовано махнул рукой и удивленно спросил, заглянув в глаза: «Так ты теперь без очков?». Приятный пощипывающий холодок разлился в груди, поднялся по шее, приподняв голову, скопился в затылке и выплеснулся из смеющихся Лидиных глаз. И все. Одноклассник влюбился серьезно. Он страдал, звонил, умолял о встречах. Уговоры, увещевания и даже серьезный разговор с Ильей ему не помогли. Лидия тоже мучилась, потому что любила своего мужа, потому что страдающий, плачущий, похудевший и осунувшийся мужчина ей был неприятен. Она пыталась вразумить его, она разговаривала с ним иногда спокойно, иногда насмешливо, иногда даже грубо... не помогло. В конце концов, он уехал. Написал несколько писем – Лидия не ответила. Тогда мама и рассказала ей историю ее рождения. И сказала, серьезно глядя на нее: «Поосторожнее, девочка. Так ты не только другим больно делаешь. Ты так и свою семью разрушить можешь». «Ты вправду считаешь, что я – ведьма? – удивленно глядя на маму, спросила Лидия, – это ты серьезно мне говоришь?». «У тебя вправду красивые глаза, и вправду есть в них какая-то чертовщинка, – пожала плечами мама, – плюс к этому, у каждой женщины бывают в жизни периоды, когда она вдруг становится чертовски привлекательна. У кого-то это происходит в восемнадцать лет, у кого-то – в тридцать, у кого-то этот момент бывает лишь один раз в жизни, у кого-то он длится очень долго, почти всю жизнь. У меня нет ответа на твой возможный вопрос: от чего это зависит – я не знаю. Я знаю только одно – тебе нужно быть осторожнее». И Лидия стала осторожнее. Она научилась контролировать свой взгляд, в самый последний момент прикрывая глаза так, что собеседнику доставался лишь небольшой отблеск того сумасшедшего огня, что полыхал внутри ее. Это вызывало у мужчин интерес, они влюблялись, но не сильно, скорее это было восхищение, рыцарское покровительство, забота и внимание. Они считались ее друзьями, рады были ей помочь и поздравляли с праздниками. Илья не ревновал. Он верил Лидии безоговорочно, и она никогда не обманывала его. Ей было хорошо. Она знала, что в любой момент может влюбить в себя любого мужчину, и это придавало ей уверенности. Когда все закончилось?

Лидия Владимировна посмотрела на часы – почти два. Сейчас комната наполнится головами сотрудников и будет уже невозможно ни о чем думать. Не знала Лидия, в какой момент ее взгляд перестал действовать. Просто однажды, знакомясь с каким-то новым мужчиной, она вдруг не ощутила приятного холодка в груди. И все. С тех пор этого чувства она не испытывала, хотя пыталась вспомнить, сконцентрироваться... Нет, не помогло. Сколько это уже времени назад было? Да, года два, наверное, или полтора. И в это непростое время Оксана и сказала про кого-то: «Да что ей еще надо-то? Старуха уже – сорок пять скоро». Лидия обиделась. Оксана, конечно, заюлила, дескать, к тебе это не относится, ты отлично выглядишь, тебе твоих лет и не дашь... Но Лидия все равно обиделась. С тех пор все у них пошло как-то наперекосяк. К тому времени Оксана у них уже не работала. Она вышла замуж за журналиста, который часто приходил к ним в архив за разными материалами для своих статей, родила дочку и сидела дома. Лидия сначала иногда звонила, узнать, как девочка, Оксана отделялась дежурными фразами и в гости не приглашала. И вскоре Лидия перестала звонить. Андрея, мужа Оксаны, Лидия иногда встречала, когда он заходил к ним за материалами, спрашивала, как дочь, передавала обязательные приветствия. «Да-да, и Вам тоже привет от Оксаны» – неизменно вежливо

врал Андрей. Ну и ладно. Друзей у нее хватает, старые друзья никуда не делись и на день рождения дом ломится от цветов. Только вот молодости нет.

Лидия открыла базу данных в своем компьютере и застучала по клавиатуре, забывая данные об очередном документе. Господи, как надоели эти бумажки!

– Лидия Владимировна, как настроение? – это Светлана Александровна – директор их небольшого учреждения с отличным коллективом. Она почти ровесница самой Лидии и отношения у них прекрасные, хоть и на Вы разговаривают, просто так принято. У них бывает много посетителей, а при посторонних они ко всем своим коллегам, даже молодым, обращаются по имени-отчеству. Так и привыкли.

– Да ничего настроение, – пожала плечами Лидия, – нормальное.

– Не хотите завтра прогуляться до Полянска?

– До Полянска? – Лидия удивленно подняла глаза, – а что, дозвонились?

Полянск – небольшой районный центр почти на границе с одной некогда братской, а теперь совершенно европейской прибалтийской республикой. Смешанное население, православный храм и лютеранская кирха, чистые улицы и тишина. Православный храм современный, восстановлен на месте сгоревшего во время войны, а кирха – конца позапрошлого века. И в ней сохранился удивительный орган, тоже девятнадцатого века. Как-то так вышло, что про него знали, но ни в каких документах по охране памятников истории и культуры он не числился. Сама кирха в списках значилась, а что в ней орган есть – не указано. Выяснилось это случайно, положение нужно было исправлять, а для этого нужно было туда поехать, орган этот сфотографировать, специалистов пригласить, описание грамотное составить. А для этого, в свою очередь, нужно было связаться с хранителем кирхи, чтобы, приехав на место, не поцеловать замок и не уехать ни с чем. Звонили все, и даже Лидия, в чьи обязанности это уж совсем не входило – просто наудачу, вдруг повезет, но этого самого хранителя – Яна Мартовича достать было невозможно....

– Явочным порядком достали, – усмехнулась Светлана Александровна, – комиссия из Питера приехала и поселилась в гостинице. Нашим ничего не оставалось делать, как срочно отряжать туда машину, заехать к этому Марту Яновичу или Яну Мартовичу домой и договориться, что завтра он откроет нам кирху. В общем, завтра все там будут. Вся королевская рать. От нас нужен просто представитель. Поедете?

– С удовольствием! – искренне обрадовалась Лидия Владимировна. – А чем ехать? Рейсовым автобусом?

– Нет, конечно, комитет по культуре дает машину. Завтра в десять они за Вами заедут. Встреча назначена на одиннадцать тридцать, кажется, так что успеете. Фотоаппарат возьмите на всякий случай – кирху снимайте, да и орган. Там, конечно, специалисты сами будут фотографировать, что им нужно, но пусть и наши фотки будут.

– Особенно для акта технического состояния, – улыбнулась Лидия Владимировна, – они будут снимать, что получше, а мы – где что плохо.

– Вот именно. В общем, завтра в десять.

Ну вот, очень даже неплохо, подумалось Лидии Владимировне. Ехать до Полянска часа полтора, на хорошей машине и не устанешь совсем. Есть в жизни и светлые моменты....

Оксана осторожно заглянула в детскую кроватку: дочка крепко спала. Наконец-то! Оксана быстро проверила, выключен ли звук у телефона, заглянула в кухню, нет ли чего на плите, и юркнула под одеяло. С наслаждением вытянувшись на своей кровати, она закрыла глаза. До возвращения мужа с работы еще четыре часа, и она вполне может поспать часа полтора-два, смотря, сколько проспит Маришка. И ужин у нее почти готов. Дома, правда, не совсем прибрано, но это простительно – маленький ребенок все-таки. Впрочем, Андрей и не сильно прихотливый, нетребовательный в смысле идеального порядка и образцового веде-

ния хозяйства. И вообще, неплохой муж. Оксана улыбнулась, уже почти засыпая. Хорошо, что она вышла за него замуж. Маришка помогла. Не планировали они ребенка – так получилось. И Оксана решила, что, наверное, пришло время выходить замуж. Андрей против свадьбы не возражал, и вот теперь Оксана – жена и мама. Все нормально, все как у всех. Не очень, конечно, ей нравится, что все время приходится дома сидеть, не выйти ни в ресторан, ни на дачу к друзьям, ни просто по городу пройтись, в летнем кафе посидеть... Бабушки нынче какие-то неправильные пошли. Нет-нет, я не могу, я работаю, я устаю, и ребенок еще совсем маленький, вдруг закапризничает, а я и так неважно себя чувствую... И вот такие разговоры и с той, и с другой стороны. А кто вас просит работать? На пенсию уже пора, с внучкой сидеть. Оксана заерзала, вспомнив свою обиду. Ладно, потерпим, скоро Маришка подрастет, тогда уж не отвертятся. Будут с внучкой сидеть, как миленькие, а они с Андреем вместе будут куда-нибудь ходить. А может даже съездят на несколько дней. Она заслужила отдых. И Андрей, конечно, тоже. Он ведь работает. И работа у него не сидячая – беготни много, командировки часто. Сначала она из-за этих командировок расстраивалась, ревновала, особенно, когда они еще женаты не были. Но Лидия ей тогда сказала: не выдумывай ничего сама. «Сама придумала, сама поверила, сама расстроилась: все сама – зачем тогда тебе он?». И еще потом добавила: доверие, дескать, главное. Если, мол, ты ему с самого начала не веришь, то нечего и планы на него строить. Почему-то после этих слов Оксана успокоилась. Лидия вообще действовала на нее... успокаивающе. Раньше. А потом вдруг стала раздражать. Что-то в ней появилось такое... Оксана никак не могла придумать название этому новому, что появилось в характере Лидии. Оксана перевернулась на бок и укуталась одеялом. Старая она просто стала, Лидия-то. То настроение у нее плохое, то плакать начинает ни с того, ни с сего, то в воспоминания какие-то пустится, про сына своего рассказывать, каким он маленьким был. Совершенно невозможно стало с ней разговаривать, и Оксанины обиды на бабушек понять никак не хочет. Ну и ладно, пусть как хочет, так и живет. Обойдемся и без ее сочувствия. И Оксана спокойно уснула.

– Лидия Владимировна, Вы едете в Полянск? – секретарь комитета по культуре как всегда перезванивает утром – подстраховывается на всякий случай, чтобы не было никаких накладок, – машина будет в десять, номер 015.

– Спасибо, Анечка, – Лидия Владимировна знала девушку давно, – я выйду на крылечко вовремя.

Она улыбнулась и включила компьютер – до отъезда еще сорок минут. Сначала Лидия Владимировна хотела написать небольшое электронное письмо сыну, но вспомнила, что сегодня он уехал на дачу, и значит, все равно раньше понедельника письмо не прочтет. И поэтому ничего писать и не стала. Поколебавшись совсем немного, она включила все-таки «аську».

«Стасик» был в сети.

«Привет. Как дела?» – написал он сразу.

«Привет. Нормально дела»

«А чего вчера сбежала?»

«В каком смысле?» – понятно, конечно, о чем он спрашивает, но нужно же выиграть время для обдумывания ответа.

«Из аськи чего вышла?»

«Так обеденный перерыв закончился – работать пошла» – молодец, шикарно выкрутилась, похвалила она себя.

«А сейчас у тебя что, тоже обеденный перерыв?»

«Нет, просто сейчас я еду в командировку, жду машину, начинать что-то нет смысла»

«Далеко?»

«Часа полтора в одну сторону»

«Так тебя не будет на обеде?»

«Не будет. Можешь спокойно изменять мне с другими» – Лидия усмехнулась про себя: вот какая она свободная и современная, даже, можно сказать, «крутая» – спокойно пишет все, что приходит в голову.

«А как тебя на самом деле звать?»

Лидия опешила. Странно, что он не среагировал на ее шутку, молодежь, она должна на такое реагировать. Или поддержать или не обидеться или наглубить, в конце концов. Достойное игнорирование – это, знаете ли, дается с опытом.

«Зачем тебе?» – действительно, зачем ему? Интернет – такая прекрасная обезличенная штука. Какая разница, кого как зовут, кому сколько лет, где кто живет. Так здорово не знать всего этого! Можно поделиться сомнениями, мыслями, обидами, не заботясь ни о чем. Ни о том, как бы кого не обидеть, как бы кто чего не подумал, как бы кто кому не рассказал, а тот в свою очередь ни подумал, не обиделся, не рассказал. Посылаешь куда-то в пространство свои мысли и наплевать, где у кого и когда они выплывут.... Зачем имена? Безымянность – это, на самом деле, такое благо.

«Зачем? Интересно просто и надо же как-то обращаться»

«Зови меня по нику»

«Как скажешь»

Похоже, он обиделся. Ну и пусть, в конце концов, имеет она право на анонимность? Она отвечать не будет.

«А откуда ты? Из какого города?» – если и обиделся, то виду не показывает. Неплохо.

«Может тебе еще размер обуви прислать?» Лидия, написав, перечитала сообщение и, подумав немного, добавила: «и счет в банке?»

«Ты чего так рассердилась?»

Нет, этот парень определенно умеет вести разговор. Из конфликтов выходит просто виртуозно.

«А чего ты пристаешь с глупостями всякими» – Лидия тут же остыла и дорисовала ему смайлик – милую улыбающуюся рожицу.

«Да я бы рад с глупостями, да как тебя найдешь» и тоже смайлик. Вопреки здравому смыслу и, несмотря на свой возраст, Лидия вдруг почувствовала, что краснеет. Черт возьми, легкий, ни к чему не обязывающий намек на то, что она женщина и женщина привлекательная, заставил ее краснеть и улыбаться. Ей приятно. Это старость. Точно.

– Лидия Владимировна, машина пришла.

Лидия даже вздрогнула от неожиданности. Господи, она заболталась со «Стасиком», что даже забыла, что находится на работе и что ей пора ехать. Совсем уже из ума выжила. Точно, старая стала. Почему-то сейчас эта мысль совсем не испортила ей настроения, скорее наоборот. Она тихо засмеялась.

«Все, машина пришла. Пока!» – написала она в аське и, делая вид, что проверяет сумочку, дождалась ответа.

«Пока, счастливого пути, Сапфир!»

Машина была не просто хорошая, а замечательная – Фольксваген. Новый. И кроме Лидии пассажиров нет. Вообще красота. Не часто удается попользоваться служебной машиной в полном одиночестве. Обычно набивается полная коробочка так, что даже Фольксваген не радуется. А тут.... В общем, полтора часа дороги пролетели незаметно. Водитель попался неразговорчивый и это тоже хорошо. Можно спокойно поглазеть в окно, поулыбаться себе и своим воспоминаниям. Вот «Стасик», например. Как-то неплохо он на нее действует, не злит, скорее наоборот. Ощущение такое, что он ее понимает. Неужели ему только двадцать девять лет? Интересно. И еще интересно, откуда он, чем занимается... да обезличенность Интернета имеет

и свои недостатки. А вдруг он совсем не тот, за кого себя выдает? И что ему нужно от нее, от Лидии? И как он ее нашел? Вдруг он какой-нибудь преступник, мошенник, маньяк... Господи, какая ерунда лезет в голову. Во-первых, он еще ни за кого себя и не выдавал. Лидия даже не спросила его ни о чем. А во-вторых, вот уж, правда, нужна ты кому-то, мошенникам особенно. Что с тебя взять-то? И данных своих она в анкете не указала, ни города, ни имени, ни места работы. Просто случайно парнишка попал на ее номер и, видимо в силу своей общительности, просто написал «привет». Так же просто все и закончится, как только ему станет скучно. А скучно станет скоро, потому что синие с искорками глаза хороши только, когда на них смотришь. Долго на описании своих глаз интерес не продержишь. Да и не нужен он, в общем-то. Лидия вздохнула. Ей приятно было сегодня увидеть «Стасика» в аське. До такой степени приятно, что всю дорогу она думает о нем. Да, ситуация... не надо, старушка, это не для тебя. Скажи спасибо, что он хоть немного поговорил с тобой и не послал сразу, как только ты написала, что тебе «давно за сорок». Звонок мобильного телефона отвлек Лидию от мыслей о «Стасике». Взглянув на определившийся номер, она поспешно открыла крышку, отвечая на звонок:

– Да, Илья, привет! Как дела?

– Нормально, – голос у мужа был какой-то далекий и глуховатый, – что-то я до тебя не сразу дозвонился, ты где?

– Я в командировку, Илюш, еду, в Полянск, по органу. Поэтому сеть не стабильна. Говори быстрее, что у вас там?

– У нас все сдвинулось с мертвой точки, – Лидии показалось, что муж усмехнулся, – мама согласилась на больницу. Сегодня отправляем ее.

– Да? – Лидия даже немного растерялась, – а операция когда?

– В понедельник. – Илья вдруг стал слышен очень хорошо, – не волнуйся, Лидок, все будет нормально, но я пока здесь остаюсь еще. Не скучаешь там без меня?

– Скучаю, конечно, – улыбнулась Лидия, – но все понимаю. Звони мне, ладно?

– Конечно, я же звоню. Ну, все, дорогая, целую.

– И я тебя. Привет там передавай.

Лидия отключила телефон. Родители – это святое. Но очень неплохо было бы, если бы Илья был рядом.

Лютеранская кирха находилась на окраине городка. Машина мягко остановилась около невысокого кованого заборчика, и водитель, выглянув в окно, недоуменно повернулся к Лидии:

– Закрыто здесь все, даже калитка.

Лидия посмотрела на часы: без двадцати двенадцать.

– Может, встреча назначена на двенадцать, а не на одиннадцать тридцать?

В ответ водитель лишь пожал плечами. Лидия решительно вышла из машины. Воздух показался ей легким и прохладным, и она глубоко вздохнула, даже чуть потянувшись и прикрыв глаза. После долгой дороги, даже если едешь на хорошей машине, приятно выйти на свежий воздух.

– Лидия Владимировна, а Вы здесь долго пробудете? – водитель тоже вышел из машины и тоже слегка потянулся, разминая плечи и спину.

– Не знаю... а что такое?

– У меня здесь теща в Полянске, недалеко отсюда, – мужчина смотрел чуть виновато и осторожно, – я бы к ней смотался, она там чего-то передать хотела...

– Теща? – Лидия Владимировна улыбнулась, – теща – это важно. А сколько Вам нужно времени? Далеко она живет?

– Нет, здесь совсем недалеко, почти на окраине, конечно, но Полянск ведь небольшой городок, я думаю, минут за тридцать-сорок я бы управился. С чаепитием, чтобы не обиделась, – ухмыльнулся водитель.

– Конечно, езжайте, я думаю, мы здесь меньше часа точно не пробудем, а то и больше. Видите, еще вообще никого нет. Езжайте.

– Спасибо, Лидия Владимировна, – обрадовался водитель, – запишите, мой номер мобильного, если вдруг раньше что-то...

Лидия записала номер телефона, улыбнулась и даже помахала ему рукой. Очень он обрадовался, что можно к теще съездить, хорошая у него, видимо, теща. А может, и не к теще вовсе он помчался. Может, у него здесь... знакомая. Лидия усмехнулась, вздохнула и повернулась к калитке. Осторожно подергала дверцу, заглянула сквозь железные прутья, увидела висячий замок и покачала головой: никто и не думал еще открывать вход. Вокруг стояла тишина, такая тишина, которая бывает в маленьких городках летом: легкое шевеление листвы, стрекотание каких-то кузнечиков, а может, это щебетание птиц – сразу и не разберешь, и далекий-далекий отголосок человеческого присутствия – то ли голоса вдали прозвучали, то ли машина проехала. И вокруг никого. Красота. Но очень интересно, и что ей теперь делать?

– А Вы в дырку пройдите, там слева в заборе дырка, – тонкий детский голосок, прозвучавший в абсолютной тишине, почему-то заставил вздрогнуть. Нет, Лидия не испугалась, она удивилась и завертела головой, отыскивая ребенка. Вокруг не было ни души.

– Где дырка? – довольно громко переспросила она, надеясь услышать ответ и по нему определить, где находится ее невидимый советчик.

– Слева, вдоль заборчика.

Лидия заметила легкое движение по другую сторону заборчика и вскоре перед калиткой оказалась молодая девушка.

– Здравствуйте, – поздоровалась она довольно звонко, – Вы из комиссии?

– Да, из комиссии, – сказала Лидия, рассматривая девушку – по голосу той можно было дать лет двенадцать, но на вид она, конечно же, старше, и поэтому Лидия добавила, – только никого нет почему-то.

– А пастор с ними сейчас приедут, – девушка улыбнулась приветливо, а Лидия хмыкнула: фраза была корява и малопонятна.

Она пошла вдоль заборчика и через несколько шагов действительно увидела проход. Пожав плечами, Лидия решительно пролезла в дырку.

– Так когда пастор с ними приехать должны? – Лидия нарочито повторила дурацкую фразу, усмехнувшись про себя – «велик могучим русский языка!».

– Так скоро, – ничуть не смутившись, снова улыбнулась девушка, – сейчас позавтракают и приедут.

Позавтракают? Очень мило, двенадцать часов дня. «Завтракают, не велели беспокоить», кажется так? Лидия разозлилась.

Она села на лавочку, стоящую около входа и огляделась. Красиво здесь, конечно. Кирха с высоким шпилем, сложенная из красного кирпича, эффектно выделялась на фоне голубого неба и высоких старых елей, посаженных вокруг. Привычный глаз Лидии отметил темные участки намокшего кирпича у цоколя – плохо работает водоотвод, на стенах в нескольких местах видны небольшие трещины, кое-где крошится отмостка. Но это совсем не портило общего впечатления – здание выглядело внушительным, торжественным и ухоженным. Хорошо здесь. Лидия снова повернулась к девушке.

– А Вы, простите, кто?

– Я? – похоже, девушка слегка растерялась, – я на органе здесь играю. Вернее, конечно, учусь еще только, я не так уж хорошо играю как они, но я учусь, мне очень нравится.

Он говорила сбивчиво, краснела и улыбалась. Сколько ей лет, интересно? Лидия посмотрела внимательнее: круглое лицо, светлая кожа и светлые глаза, русые волосы заплетены в косу. Приятная, но обыкновенная. И лет ей, скорее всего, восемнадцать. Или девятнадцать.

– А у кого Вы учитесь? – Лидия привыкла всех называть на «Вы», только почему-то со «Стасиком» они сразу стали друг другу «тыкать», но это ведь совсем, совсем другое.

– Я?

Что за дурацкая привычка переспрашивать, конечно, ты, кто же еще? – этого Лидия вслух, конечно не сказала, а лишь кивнула головой.

– Я у Яна учусь. А иногда еще Анатолий приезжает, тоже меня учит. А они хорошо, лучше играют.

Яну, насколько Лидия помнила, было лет шестьдесят или семьдесят, и иначе как Ян Мартович его никто не называл, а девочка вот запросто – Ян. Анатолий тоже такой же молодой, интересно?

– Они – это кто? – Лидия старалась спрашивать приветливо, хотя девушка ее почему-то раздражала.

– Кто?

– Вы сказали, что играете, не так хорошо, как они, – пояснила Лидия, – вот я и спрашиваю – о ком это Вы?

– Я?

О боже, дай мне сил, взмолилась Лидия про себя, а вслух произнесла:

– Конечно, Вы, больше здесь вопросов задавать пока некому.

Неожиданно девушка рассмеялась:

– Они – это Ян и Анатолий. А переспрашиваю я, потому что мне непривычно, что Вы ко мне так обращаетесь, – девушка покраснела, но глаз не отвела.

– Как?

– На «Вы». – Девушка улыбнулась, и Лидия почему-то почувствовала себя неловко. Вот чего она так взъелась на девчущку? Из-за того, что комиссия еще «завтракают»?

– А как к Вам обращаться? – Лидия постаралась приветливо улыбнуться, – Вы взрослый человек... сколько Вам лет?

– Двадцать один.

Ого, подумала Лидия, не восемнадцать, и даже не двадцать. К этому возрасту пора уже осознавать себя взрослой. И не строить из себя полоумного ребенка. А может, она просто кривляется?

– Пора уже не только привыкнуть, но и требовать обращения на «Вы», – немного резче, чем она того хотела, сказала Лидия, – Вы же не ребенок.

Девушка удивленно посмотрела на Лидию, но промолчала. А Лидия опять расстроилась. Ну, какое тебе дело, как девушка себя ведет? Какое тебе дело?! А может она и не кривляется, и не строит из себя ничего, может она... ненормальная слегка? Голосок тоненький, это не подстроишь, пожилого человека по имени зовет, да и фразы лепит, прямо скажем... именно что – лепит. Может, это местная дурочка? А ты на нее так реагируешь. Лидия украдкой взглянула на сидящую рядом девушку: не хотелось бы обидеть больного человека, да и реакция у них... как бы это сказать... непредсказуемая бывает. Девушка сидела спокойно и смотрела прямо перед собой. На ее лице было сосредоточенное и слегка то ли недоуменное, то ли обиженное выражение. Конфликт был создан из ничего. Вот «Стасик» например, из конфликтов выходит просто и легко, надо бы и тебе так научиться, подумалось неожиданно Лидии. И она улыбнулась:

– А как Вас зовут, простите?

– Василиса, – девушка с готовностью повернулась к Лидии, и видно было, что она не собиралась обижаться или молчать, что она готова продолжить разговор.

– Редкое какое имя, – искренне удивилась Лидия, – я так первый раз такое в жизни встречаю, до этого только в сказках.

– Ужасное имя, – неожиданно покачала головой девушка, – просто ужасное.

– Почему? – Лидия задала вопрос только потому, что ей захотелось услышать, как именно не очень ловкая в разговоре девушка объяснит, почему Василиса действительно ужасное имя для современных подростков.

– Всю жизнь Васькой кличут, даже когда я на органе играю, говорят «сегодня на органе Васька играет» – и хохочут. И начинают придумывать: «Слушать нечего – только мяу-мяу будет». – Девушка говорила тихо и даже как будто равнодушно, но Лидия заметила на ее глазах слезы.

– Особенно в начале, я ведь и правда ничего не умела, плохо получалось... – продолжила Василиса, – сейчас уже лучше, но все равно смеются.

– А что Ваши учителя говорят, как Вы играете? – Лидия захотелось вдруг помочь девушке, отвлечь ее от грустных мыслей.

– Ян говорит, что я способная, – улыбнулась Василиса, – он говорит, что у меня все хорошо получается. А Анатолий... – девушка задумалась на секунду, – он ничего не говорит, послушает меня, головой покачает, исправит что-нибудь и задание следующее даст. И все.

– Если бы у Вас не получалось бы, он бы и задания давать не стал бы, – убежденно сказала Лидия, – значит, у Вас все хорошо. А балбесов разных не слушайте, и имя у Вас редкое и красивое. – Видя, что девушка недоверчиво качнула головой, Лидия повторила, – да, редкое и красивое. Только Вы на Ваську не откликайтесь.

– Это как? – взгляд у девушки был настолько наивен и доверчив, что Лидия улыбнулась, она и правда еще как ребенок.

– А просто – не откликайтесь и все. Идете по улице, слышите, кто-то зовет «Васька!» – не поворачивайте головы, как шли, так и идите, пусть хоть орут, не поворачивайтесь. Они покричат сначала «Васька», потом «Вася», в конце концов, крикнут «Василиса!» и в этот момент обернитесь. Вы – Василиса, и пусть все к этому привыкают.

– А как Вас зовут?

– Лидия Владимировна.

– Красиво. Спасибо, Лидия Владимировна.

– За что? – Лидия, конечно, поняла, за что ее благодарит Василиса, но почему-то ей все время хотелось послушать, как та будет объяснять очевидные или щекотливые вещи. Это было что-то сродни дразнилки, девушка не слишком складно говорит, а Лидия все равно заставляет ее складывать слова в длинные предложения.

– За разговор, – девушка смущена, – Вы такая... хорошая.

– Василиса, я обыкновенная, – Лидия усмехнулась, не получилась дразнилка, длинного объяснения не вышло. – А Вы должны быть посмелее. А почему Вы на органе начали играть?

– Я сначала играла на пианино...

Дослушать рассказ Лидии не удалось. По гравии зашуршали шины, и к заборчику подъехала черная «Ауди».

– Приехали! – Василиса радостно поднялась со скамейки.

Лидия посмотрела на часы – пять минут первого. Если встреча назначена на двенадцать, а не на половину, как им сказали в комитете, то считай, гости и не опоздали практически. Или они хозяйева?

Гостей (или хозяев?) было четверо. Они вылезли из машины и остановились около закрытой калитки. Интересно, тоже в дырку полезут? Лидии вдруг стало смешно. Она плохо видела приехавших – мешали кусты, но абсолютно точно их было четверо и все мужчины. Мужчины через дырку не полезли. Один из прибывших подошел к калитке и, перегнувшись через невысокий заборчик, открыл замок. Видимо, это и был Ян Мартович – хранитель кирхи.

– Здравствуйте, – мужчина подошел к лавочке, на которой сидела Лидия, – Вы от комитета? – он говорил с заметным прибалтийским акцентом, приветливо улыбался и вообще-то не выглядел на шестьдесят лет. Скорее лет на сорок пять.

– Да, я от комитета, – подтвердила Лидия и улыбнулась.

– Очень приятно, а я – пастор, меня зовут Кристофер, – он протянул Лидии руку.

– Лидия Владимировна, – Лидия пожала протянутую ладонь и удивилась про себя. Это было непривычно. Насколько она помнила, по правилам этикета первой должна протягивать руку женщина. И то для поцелуя. А может, он протянул ей руку как раз для поцелуя? Он-то пастор, священник, и она должна была приложиться? Лидии вдруг снова стало смешно. Неловкая ситуация, но ведь сама Лидия православная, и прикладываться к руке лютеранского пастора... это, знаете ли... а может у них вообще не принято целовать руку священника? Н-да. Маловато мы знаем об обычаях... По крайней мере, успокаивает одно, пастор пожатие руки воспринял как должное, следовательно, она сделала все правильно.

Пока они разговаривали, остальные тоже прошли через калитку. Яна Мартовича Лидия определила сразу: высокий, совершенно седой старик, с белесыми бровями и крючковатым носом. Определить было несложно: двое других были молоды. И вот неожиданность – один из этих молодых... Андрей, муж Оксанки.

– Здравствуйте, Лидия, – Андрей улыбнулся довольно приветливо, – вот неожиданность, а Вы чего тут?

– Добрый день, – Лидия тоже улыбнулась, в конце концов, он-то совершенно не причем, в их отношениях с Оксанкой, имеется в виду. – Я в комиссии от комитета, а Вы?

– А я как обычно, от газеты, освещаю событие. Практически международное, – Андрей усмехнулся и подмигнул, – пастор-то из Евросоюза, даром что в семидесяти километрах всего...

– Он что, не местный? – удивилась Лидия.

– Нет, он приезжает сюда раз в неделю, из Эстонии, для проведения службы. Только сегодня приехал.

– Ясенько, – протянула Лидия, – а это, надо полагать, наше главное действующее лицо – органист из Питера, – она кивком головы указала на четвертого прибывшего. Молодой мужчина, примерно ровесник Андрею, то есть лет тридцати – тридцати пяти шел рядом с Яном Мартовичем, закрывая за ним калитку и внимательно слушая, как тот что-то довольно энергично ему втолковывал. – Вот молодец, калиточку прикрыл, наплевать, что в заборе дырка... – Лидия немного злилась еще, что ей пришлось дожидаться.

– Да, это Анатолий Вересов. Специалист международного класса, влюблен в органы до потери сознания, может о них говорить часами, да и играет – просто заслушаешься. – Андрей чуть улыбнулся. Лидия тоже улыбнулась в ответ. Ей приятно, что в этой компании есть, что называется, свой человек. Тем более, Андрей, похоже, уже всех знает, можно у него, если что нужно и спросить.

– Здравствуйте, – «специалист международного класса» подошел, наконец, к ним, – Вы от комитета?

– Да, здравствуйте, – Лидия уже который раз за сегодня ответила на этот вопрос, и ей снова стало немного смешно, – да, я от комитета, Лидия Владимировна Соболева.

– Анатолий Вересов, – представился он, и тоже протянул ей руку. Лидия пожала ее, уже ничему не удивляясь. Может у них вообще другие правила?

– Пойдемте, – пригласил их Анатолий, – Кристофер уже открыл кирху. Вы знакомы с Василисой? – неожиданно спросил он, оборачиваясь к девушке, которая, как оказалось, стояла рядом.

– Да, мы познакомились, пока вас ждали, – улыбнулась Лидия.

– Хорошо, – ничуть не смутившись тем, что их ждали, сказал Анатолий, – Василиса, а этот симпатичный молодой человек – Андрей, журналист.

– Очень приятно, – пролепетала девушка и спряталась за спину Анатолия.

Андрей хмыкнул.

– И мне, – галантно произнес он, не среагировав на редкое имя.

– Здравствуйте, здравствуйте, добрый день, добрый день....

Лидия обернулась на такое неожиданное приветствие: ну конечно, это Ян Мартович, только он еще не спросил у нее, не от комитета ли она.

– Здравствуйте, – ответила Лидия и, не дожидаясь вопроса, представилась: – Лидия Владимировна Соболева, член комиссии от комитета, – и протянула руку.

– Очень приятно, – старик, чуть склонившись, пожал руку, и тоже представился: – Ян Мартович, хранитель кирхи. Буду очень признателен, если Вы станете называть меня просто Ян.

– Конечно, – улыбнулась удивленная Лидия, – как скажете.

Она постеснялась спросить причину такой неожиданной просьбы, а Ян Мартович, вернее, просто Ян, не счел нужным объяснять.

– Ну вот, все готовы, все знакомы, – Анатолий здесь явно был за главного, – пойдете.

И они вошли в кирху.

Маришка баловалась и кушать совершенно не хотела. Оксана пыталась отвлечь ее птичками за окном и какими-то баночками на полке, но дочка все равно хватала ложку рукой, вываливала кашу на стол и заливисто смеялась.

– Не хочешь есть – не буду тебя кормить, потом просить будешь – не дам! – стараясь говорить строго, вычитывала дочь Оксанка. – Маришка, открывай ротик, надо кашку поесть, а то ты совсем мало поспишь потом.

Может, нужно было сначала уложить ее спать, подумала Оксана, а то теперь она устала, перевозбуждена и поэтому есть не хочет? Никогда не знаешь как лучше.... С большим трудом они все-таки съели половину приготовленной каши и, дав дочке бутылочку с соком, Оксана пошла готовить одежду для прогулки. Она уложит дочку в коляску и пойдет на улицу. Так и Маришка подышит свежим воздухом, и сама Оксана погуляет. А следующий сон они поспят дома. Вместе. Телефонный звонок удивил. Бабушки в это время не звонят – знают, что Маришка где-то в это время спит, Андрей сегодня на выезде, сказал, что будет поздно. Кто это?

– Алло, – Оксана взяла трубку и пошла с ней на кухню – проверить, как Маришка справляется с соком.

– Привет, дорогая, – мужской голос был весел и уверен, – как жизнь замужняя?

– Сережа? – Оксана остановилась посередине коридора, – ты?

– Узнала. – Самодовольный тон мужчины вернул пошатнувшееся было спокойствие Оксаны.

– Конечно, узнала, – Оксана дошла до кухни – Маришка рассматривала бутылочку, периодически все-таки попивая сок. – Привет. Какими судьбами?

– Да вот, дай, думаю, позвоню, узнаю, как у тебя дела, а то сто лет тебя не видел.

Да, они не виделись сто лет. Сергей – один из ее многочисленных друзей, с которыми Оксана встречалась, расставалась.... У них были близкие отношения, но совсем недолго, и расстались они странно – просто однажды Сергей не пришел, а Оксана даже и не вспомнила, что он должен был придти. Потом они встретились на какой-то вечеринке, пробыли вместе ночь и наутро расстались, как будто ничего и не было. И вот теперь этот звонок.

– Да, сто лет, – согласилась Оксана, – как у тебя дела?

– Да нормалек все, – лениво протянул Сергей, – по телефону всего и не расскажешь.... Может, в гости пригласишь?

– Да я не знаю, – Оксана не то, чтобы растерялась, она просто не поняла, хочет ли сама, чтобы он пришел.

– А чего не знаю-то? – удивился Сергей, – или муж больно ревнивый?

– Нет, – засмеялась Оксана, – да и нет его дома, он на работе.

– Тем более. – Уверенный голос мужчины действовал гипнотически, – так я прямо сейчас и зайду?

– Я собиралась с дочкой погулять, пока она спит ..., – у Оксаны, напротив, голос был совершенно не уверен.

– Да дома поспит один раз – ничего страшного. Давай укладывай ее, а я минут через двадцать буду. – И он положил трубку.

Ну и ничего же страшного, если старый друг зайдет ее проведать, решила Оксана. Она подхватила Маришку, быстро умыла ее, завернула в одеяло и, выкатив коляску на балкон, уложила дочку. Намаявшись, Маришка уснула почти сразу. Быстро пораскидав по шкафам какие-то вещи, убрав со стола следы Маришкиного безобразия, Оксана вытащила новые домашние брюки и свежую футболку. Она еще успеет даже принять душ.

Почему-то Лидии казалось, что внутри кирхи должно быть прохладно и сумрачно. Но она ошиблась. Большой зал был залит солнечным светом. Свет проникал внутрь через высокие окна и, отражаясь от блестящих светильников, свободно и легко заглядывал во все ниши и уголки. Стены, резные ограждения балкончиков и скамьи были окрашены в светлые тона: от бежевого до цвета слоновой кости, и казались теплыми. Здесь было торжественно и просто одновременно. На втором ярусе кирхи располагался орган. Его внушительные трубы, резные панели и дверцы производили впечатление чего-то загадочного и притягательного. Он как нельзя лучше гармонировал со всем помещением кирхи.

– Ого! – это Андрей, оглянувшись вокруг, чуть качнул головой, – красиво.

– Красиво, – согласилась Лидия, – торжественно так.

– Да, но довольно аскетично, – Андрей вздохнул, – у нас поуютнее.

– И побогаче, особенно в кафедральном соборе, – Лидии понравилось, что у них с Андреем похожие мысли. Да, приятно, что они здесь вдвоем. И еще хорошо, что все остальные отошли чуть в сторону: Ян показывал пастору что-то на первых рядах скамеек, видимо, там что-то сломалось, Анатолий, прохаживаясь вдоль стен, рассматривал светильники, а Василиса ходила за ним следом.

Лидия приготовилась фотографировать.

– Лидия, я буду снимать, – это Андрей, достав свой фотоаппарат, улыбнулся, – так что можете отдыхать, если хотите, я Вам потом все скину.

Техника у Андрея была на порядок лучше, чем у Лидии, хотя у нее тоже не «мыльница».

– Скинете, – согласилась Лидия, – но я и сама снимаю, мне же не для красоты только, но и для работы...

– А что Вам нужно для работы? Скажите, я сниму.

– Трещины, плесень, пятна протечек....

Андрей шутливо закатил глаза, и они засмеялись.

– Лидия Владимировна, Вы пойдете наверх, к органу? – это Василиса, смущенно улыбаясь, остановилась рядом.

– Конечно, Василиса, мы идем. Андрей, Вы идете?

– Да-да, поднимайтесь, я сейчас догоню.

По довольно крутой лестнице, украшенной резными перилами, Лидия с Василисой поднялись на второй ярус. На просторной площадке около стеклянной будки уже стояли Ян, Кристофер и Анатолий. Лидия даже не заметила, когда они прошли.

– Эту будку нужно обязательно демонтировать, – энергично сказал Анатолий, как бы продолжая начатый разговор.

Лидия удивленно посмотрела на него, но промолчала, решив, что раз она пришла не к началу разговора, то перебивать и спрашивать что-то неудобно, чуть позже она все уточнит. Но Анатолий, видимо заметив ее взгляд, поспешил объяснить:

– В этой будке расположена клавиатура, здесь сидит органист. Раньше храм не отапливался и, чтобы музыкант не замерз, над ним соорудили такую стеклянную конуру и в нее ставили обогреватель. – Он посмотрел на Лидию и, довольно бесцеремонно схватив ее за руку, подтащил ближе, – вот смотрите.

Лидия заглянула в будку. Маленькая уютная кабинка, конечно же, скрывала от посторонних глаз великолепие клавиш, регистров, педалей. Глаза разбегались от обилия цветных кружочков, деревянных рычажков и клавиш бело-черной клавиатуры.

– Красиво как, – не сдержалась Лидия.

– Конечно, – тут же согласился Анатолий. – Теперь храм отапливается, и эта конура совершенно никому не нужна, ее нужно демонтировать. Причем срочно, чтобы не портила общий вид инструмента.

– Все работы в памятнике должны вестись по согласованию с комитетом, – оттарабанила привычно Лидия, и тут же, спохватившись, добавила почти человеческим голосом, – но, мне кажется, с этим проблем не будет.

– Да эта будка устроена уже после войны, – вмешался Ян.

– Но разрешение все равно получить нужно, – уже почти жалобно произнесла Лидия.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился хранитель кирхи, – мы напишем все необходимые бумаги.

Пастор хранил молчание. Лидия сделала еще несколько кадров. Анатолий что-то объяснял Яну, а Василиса молча стояла около них, явно вслушиваясь в каждое слово. Андрея все не было.

– Лидия Владимировна, а Вы внутри органа были когда-нибудь? – вдруг обратился к ней Анатолий.

– Нет, конечно, – улыбнулась Лидия, – откуда бы?

– Хотите посмотреть? – Анатолий задумчиво подошел к клавиатуре, сел на высокий стул и опустил пальцы на клавиши. Мелодия, полившаяся откуда-то сверху, заполнила все вокруг мягко и властно. Лидия стояла молча, чуть даже прикрыв глаза, слушая как замороженная глубокие мощные звуки, Василиса напряженно ловила каждое движение рук Анатолия, чуть покачивая головой в такт мелодии. Ян улыбался, чуточку грустно и задумчиво. Андрей, фотографировавший внизу, опустил фотоаппарат и застыл, захваченный удивительной музыкой. А Анатолий играл, и в его глазах сиял восторг и наслаждение от прекрасного инструмента. Внезапно он резко оборвал мелодию.

– Не работают восемь язычковых труб, – сказал он деловито, – надо проверить.

Слегка опешившая от такого резкого перехода Лидия даже не нашлась что сказать.

– Несколько труб были украдены, – после минутной паузы, видимо получившейся тоже от такого неожиданного перехода, сказал Ян. – Но мне казалось, что их шесть. Но, возможно, я и ошибаюсь.

– А мы вот сейчас залезем и проверим, – весело сказал Анатолий, – Лидия Владимировна, полезете?

– Конечно, когда еще такая возможность появится, – Лидия уже пришла в себя.

– Тесновато там, конечно, и пыльно...

– Ничего, – усмехнулась Лидия, – мы привычные.

Ян достал из маленького чуланчика приставную лестницу. Хорошо, что я в брюках, мелькнуло у Лидии, и она решительно направилась к лестнице.

– Лидия Владимировна, давайте я Ваш фотоаппарат подержу, – Василиса протянула руку, – а то Вам там неудобно будет.

– Ой, конечно, спасибо, – Лидия сняла с шеи свой довольно тяжелый фотоаппарат – не «мыльница» все-таки – и протянула его девушке. Взявшись за перекладину, она начала подъем. Лезть, конечно, не очень высоко, но крайне неудобно: лестница шаталась и расстоя-

ния между перекладинами довольно большие. Но Лидия все равно была довольна. Когда еще удастся посмотреть, как устроен орган изнутри. Еще чуть-чуть и вот, наконец, ее голова оказалась на уровне внутренней площадки. Лидия оглянулась: немного сумрачно, очень пыльно и очень тесно. Но ничего, как-нибудь они поместятся....

Увидев прямо перед собой человека, Лидия вздрогнула и чуть не отпустила перекладину, за которую держалась. Случись это – она бы просто полетела бы вниз. Но в последний момент какой-то инстинкт самосохранения заставил ее крепче сжать пальцы. Она крепко зажмурила глаза и тут же снова открыла их. Человек не исчез. Он усмехался странной кособокой улыбкой и, чуть прищурившись, смотрел на Лидию. Откуда здесь человек? И кто это? Лидия уже открыла рот, чтобы поздороваться и может быть даже спросить его, но в этот момент человек молча поднял руку, и Лидия увидела в ней пистолет. Да, самый настоящий пистолет – он отличался каким-то тяжелым металлическим блеском и был очень страшным. У Лидии перехватило дыхание. Человек поднес пистолет к своему лицу и приложил дуло к губам, так, как прикладывают к губам палец, призывая к молчанию. От страха и неожиданности у Лидии закружилась голова, и она, не контролируя уже свои действия, разжала пальцы....

Ей повезло, что проем, в котором стояла лестница, был довольно узок, и повезло, что внизу лестницу крепко держал кто-то из мужчин, и поэтому она не упала с самого верха навзничь, а соскользнула по перекладинам вниз, как если бы просто оступилась. Ее даже успели подхватить внизу, и именно поэтому она отделалась лишь ободранными ладонями и ушибленными локтями и коленками. В последний момент, когда она уже падала вниз, Лидия заметила жестко сжавшиеся губы и неприятный блеск глаз незнакомца, вскинувшего пистолет – он готов был стрелять. Это Лидия поняла на каком-то подсознательном, интуитивном уровне.

– Лидия Владимировна, как же так?

– Осторожнее...

– Не ушиблись?

– О боже, как неудачно!

– Надо было вперед мне лезть...

– Наоборот хорошо, что мы внизу были – поймать смогли....

Они говорили все одновременно, в голове у Лидии все смешалось, в ушах раздавался какой-то не то шум, не то звон, и она с трудом разбирала смысл звучащих слов, и даже не могла толком понять – кто и что говорит. Внутри нее все горело каким-то огнем, пульсировавшая где-то в виске жилка больно давила на глаза и уши, делая нестерпимо ярким свет и нестерпимо громкими голоса людей. Первым ее желанием было закричать. Закричать, закрыв уши руками, чтобы не слышать всей этой чепухи, закричать, что там, наверху, человек с пистолетом, а вы все городите какую-то чепуху: ушиблась, не ушиблась.... Она даже уже глубоко вздохнула, чтобы, набрав в легкие побольше воздуха, перекричать суетливый шум, но в этот момент увидела перед собой встревоженное лицо Андрея. Он тяжело дышал, видимо только что пробежав по крутой лестнице. Конечно, он же был внизу и, услышав крики и шум, рванул вверх. По крутой лестнице с резными перилами. Почему-то именно эти перила отчетливо всплыли в голове Лидии, когда она увидела склонившегося к ней Андрея. Он смотрел ей в глаза, тяжело дыша, и ничего не говорил. А внутри Лидии бился жаждущий разрушения ураган, которого останавливали только резные перила крутой лестницы.

– Лида, ты..., – Андрей, наконец, смог произнести первые слова, но фразу не закончил, а, помолчав, все так же напряженно глядя в лицо Лидии, тихо спросил, – что случилось?

Действительно, что случилось? Почему на неудобную, даже, можно сказать, опасную лестницу первой пустили ее? Ведь она даже не знала, как и где можно наступать там, внутри органа. Не логичнее ли было, чтобы кто-то из мужчин прошел первым, мог бы там, вверху уже, подать руку, показать, где встать можно? Ее пустили первой без поддержки. Без перил. Вот что она почувствовала, когда ей вспомнились резные перила. Перила – они как страховка –

человек может обойтись и без них, но в трудный момент у него есть за что схватиться и удержаться, чтобы не упасть, не пропасть....

– Лида, – Андрей осторожно тронул ее за плечо, – как ты? Чего молчишь? Что случилось? Почему ты полезла первой?

– Я неудачно ступила мимо перекладки, – соврала Лидия, она вдруг испугалась. Сначала она испугалась, что незнакомец может начать стрелять, если сейчас Лидия расскажет о его присутствии, а потом она вдруг подумала: а что, если ее не случайно пустили первой? А что, если здесь есть сообщник незнакомца с пистолетом? А что, если все подстроено? Лидия обвела всех смущенным и немного виноватым взглядом и подумала, что никому из них она не может доверять. Никому, кроме Андрея. Потому что он вслух задал мучивший ее вопрос, и потому, что здесь он чужак, а остальные – нет. И неожиданно для себя она тихо спросила его:

– А почему ты называешь меня на «ты»?

«Довольно корявая получилась фраза, учусь у Василисы», – отстраненно подумала Лидия.

– Я... не знаю... испугался..., – Андрей выглядел скорее озадаченным, чем смущенным, – и потом...

– Мне приятно, – перебила его Лидия. И улыбнулась.

– Вася, принеси аптечку, – это Ян, кажется, пришел в себя, – у Лидии Владимировны ободраны ладони.

Краем глаза Лидия увидела, как вздрогнула девушка и чуть замешкалась: «не реагировать на Васю», как ей советовала Лидия, вроде бы не время и не место, случай-то особенный....

– Я уже принес, – это Анатолий, оказывается, уже сбегал в машину и принес автомобильную аптечку, – вот, держите. Только я не могу обрабатывать раны, – он смущенно улыбнулся и пожал плечами, – вида крови не выношу.

– Ничего, зато я выношу, – Андрей почти радостно схватился за коробку с медикаментами, – а таз какой-нибудь есть? Или ведро – не на пол же лить все....

Все засуетились и даже как-то оживились.

– Лучше вообще пойдемте на улицу, – сказала Лидия, – чтобы не брызгать здесь ничем.

На самом деле ей хотелось поскорее покинуть кирху. Страх не прошел, напротив, он как будто разрастался где-то внутри, грозясь сломать тонкую перегородку инстинкта, подсказывающего, что нужно молчать об увиденном. Страх мог выплеснуться наружу, и тогда, Лидия была в этом уверена, ей несдобровать.

Кое-как спустившись по лестнице – с резными перилами, а как же! – все вышли во двор, и Лидия снова села на ту самую лавочку, на которой сидела, разговаривая с Василисой и ожидая пока комиссия «позавтракают». Кто-то принес воды и Андрей, присев на корточки около Лидии, аккуратно протирал ее расцарапанные ладони.

– А чего Вы так испугались? – пастор Кристофер стоял рядом и чуть озабоченно – или подозрительно? – смотрел на Лидию.

Внезапно Лидия осознала, что все это время, пока все суетились и наперебой разговаривали, пастор молчал. Это Лидия осознала очень четко, потому что не заметить его характерный прибалтийский акцент было невозможно, как и невозможно перепутать его с едва заметным оттенком этого акцента в речи Яна. И так, пастор молчал все это время и вот, наконец, высказался. И не в бровь, как говорится, а в глаз.

– Испугалась? – Лидия усмехнулась неискренней улыбкой, – не каждый день, знаете ли, приходится с лестниц падать.... Конечно, я испугалась.

Пастор понимающе покачал головой и промолчал. Почему он промолчал? У Лидии вновь застучало в висках. Ведь он явно не это имел в виду, когда задавал свой вопрос. Он же явно хотел узнать, что стало причиной падения с лестницы. И не получил ответа. Но принял это

и промолчал. Почему? Лидия даже слегка застонала – такую боль вдруг причинили ей эти мысли.

– Потерпи, Лида, немного осталось. – Это Андрей решил, что она стонет от боли в руках. Он уже ловко и умело забинтовывал ладони Лидии.

– Андрей, зачем ты бинтуешь? – опомнившись, возмутилась Лидия, – как я на работу появлюсь с перебинтованными руками?

– Пластыря здесь нет, – невозмутимо парировал Андрей, заканчивая перевязку, – да и сколько того пластыря надо?! Да и какая работа? Ты же вся грязная – и джинсы, и рубашка.

– Можно было просто залить йодом или зеленкой, – не успокаивалась Лидия, не обращая внимания на грязную одежду, – чего из меня героя гражданской войны-то делать?

– Какого героя? – Андрей прореагировал довольно миролюбиво.

– Такого героя, – огрызнулась Лидия, – «голова обвязана, кровь на рукаве...»

Рядом неожиданно громко прыснула Василиса, и все тут же рассмеялись, даже невозмутимый Кристофер.

– Лида, зеленка здесь не поможет – кровь идет. Ты же не хочешь испачкать все и всех? – Андрей разговаривал с ней, как с неразумным, капризным, но любимым ребенком – ласково и чуточку укоризненно.

Лидия в ответ только покачала головой. Конечно, он прав. Вон даже сквозь бинт проступают алые капельки. Он прав, но говорить об этом Лидии совсем не хотелось, и поэтому она перевела разговор на другое:

– Жалко, орган изнутри так и не посмотрела.

Почему-то она сказала об этом... спокойно. Станным образом ее напряжение почти рассеялось. И непонятно, что стало тому причиной – то ли свежий воздух открытого пространства и яркое солнце, запутавшееся в зеленых елях, то ли смех окружающих ее людей. Но, может быть, ей все привиделось? Бывают же галлюцинации всякие, или просто показалось, там же полумрак был, может, тень так падала... Лидия пыталась убедить себя в этом, но получалось плохо. Был там человек с пистолетом, был.

– Вы можете посмотреть орган в другой раз, – прибалтийский акцент Кристофера подчеркнул некоторую официальность его тона. Но это не испортило, а скорее усилило впечатление вполне конкретного предложения. – У нас в воскресенье будет служба и концерт. И Вы вполне потом можете еще раз попытаться посмотреть орган.

Последнее предложение прозвучало как милая шутка, и Лидия улыбнулась: «попытаться посмотреть»:

– Спасибо за предложение, я подумаю. Надо узнать расписание автобусов...

– Давай вместе и приедем, – неожиданно предложил Андрей, – на моей машине. Мне все равно надо бы концерт послушать, чтобы статью получше написать.

– Посмотрим, – Лидия покачала головой, она еще не решила.

– Да и акт мы до конца не составили, – сказал Анатолий. – Приезжайте, Лидия Владимировна, я к этому времени описание подготовлю, а мы потом пройдемся по нему. Сейчас уже все равно ничего делать больше не будем.

– Приезжайте, Лидия Владимировна, – подала голос и Василиса, смущенно улыбаясь, – я в концерте тоже буду участвовать, послушаете, как у меня получается....

– Хорошо, я постараюсь, – Лидия опять занервничала. Почему они ее так уговаривают приехать? Она вспомнила, что никому не может здесь полностью доверять. Никому, кроме Андрея. Или и ему тоже? Господи, бред какой-то.... Лидия оглянулась – машина комитета, что привезла ее сюда, уже стояла около открытой калитки. Открытая калитка.... Почему она открыта? Лидия хорошо помнила, что ее закрывали. И сразу замаячил, закрутился в голове какой-то вопрос, он бился сильно, но сформулироваться никак не мог. Лидия прикрыла глаза, стараясь уловить мелькнувшую мысль. Калитка, калитка.... Надо вспомнить. Машина подье-

хала, пастор перегнулся через заборчик и открыл калитку. Так. Лидия еще подумала, что это Ян, а оказалось, что это Кристофер. Потом... потом она увидела еще троих – Яна, Анатолия и Андрея. Да, Андрей подошел к ней, а Анатолий как раз запирает калитку... и Лидия тогда мельком подумала, что молодец, дескать, прикрыл, хотя зачем? Человек откроет, а собака и в дырку, что в заборе справа, пролезет, но все равно, порядок есть порядок и лучше, если... Стоп. Есть! Она поймала ускользнувший было вопрос.

– Ян Мартович, – увидев чуть дрогнувшие брови хранителя кирхи, Лидия тут же поправилась, – простите, Ян, а скажите, пожалуйста, как кирха охраняется?

– Охраняется? – кажется, он удивился, – закрываем ее и все. У нас поселок маленький, никто хулиганить не станет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.